

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Функции библейских мотивов в пьесе М.А. Булгакова «Бег»

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 251 группы
Направления 45.04.01 Филология
Института филологии и журналистики

Балякиной Екатерины Игоревны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
доцент, к.ф.н, доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Т.И. Дронова
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2016 год

Введение

Творчество Михаила Булгакова – прозаика и драматурга – одно из ярких явлений в русской литературе XX века. Оно вызывает неизменный читательский и исследовательский интерес, побуждая к размышлениям об идейно-художественных смыслах, заложенных в его произведениях, о нравственно-философских и эстетических основаниях созданного им мира.

Среди ведущих черт творчества Булгакова – диалог с читателем через призму библейских мотивов и образов, по-разному представленных, но неизменно присутствующих в его текстах. Пьеса «Бег», являющаяся объектом исследования, – убедительное свидетельство значимости для ее автора Священного Писания, с которым устанавливаются сложные интертекстуальные связи.

Данная пьеса, наследующая проблематику и эстетические особенности булгаковских произведений 1920-х годов о революции и гражданской войне, в первую очередь, романа «Белая гвардия», представляет новый этап художественного осмысления судьбы человека и пути России в период конца прежней истории. Ее идейно-художественная новизна обнаруживается нами не только на тематическом уровне (конец гражданской войны, эмиграция), но и на уровне взаимодействия данного текста с библейским претекстом.

Актуальность темы обусловлена законами булгаковского творчества, которое не представимо без диалога со Священным Писанием. Булгаков как наследник литературной традиции XIX века в каждом из своих произведений демонстрировал, что Библия – это вечный адресат и источник, в котором содержатся критерии для проверки настоящего, для суда над человеком и человеческой историей. В то же время как писатель XX века он использует игровые формы диалога с претекстом.

Другим аргументом в пользу актуальности данной темы является малоизученность библейских мотивов этого произведения. Согласно материалам библиографического указателя «Христианство и новая русская

литература XVIII – XX веков» (под редакцией В.А. Котельникова), вобравшего публикации исследователей вплоть до 2002 года, работ, посвященных библейским мотивам и образам в драматургическом наследии Булгакова, практически не было. В подавляющем большинстве предметом изучения исследователи делают роман «Мастер и Маргарита».

Во введении выпускной квалификационной работы рассматриваются труды ведущих булгаковедов (М. Чудаковой, Л. Яновской, А. Смелянского, В. Химич и др.), а также статьи А. Кораблева, А. Нинова, Д. Спендель де Варда, М. Антипьевой, Е. Белогуровой, Э. Хабибьяровой, посвященные разным аспектам проблематики и поэтики драматургии Булгакова и непосредственно пьесе «Бег». Особое значение уделяется немногочисленным статьям 2010-х гг., имеющим непосредственное отношение к нашей теме (Б. Гаспарова, Н. Калох Вид, Я. Салайчик). В данных публикациях содержится ряд важных наблюдений, но целостного системного анализа функций библейских мотивов не предпринимается.

Научная новизна работы состоит в систематическом анализе библейских мотивов в пьесе М.А. Булгакова «Бег». Впервые предпринимается классификация разных форм репрезентации библейского претекста в пьесе; выявляется система мотивов книг Исход и Апокалипсис и формально-содержательные функции цитатных и аллюзивных отсылок к ним в булгаковском произведении.

Материалом исследования являются: пьеса «М.А. Булгакова «Бег», Священное Писание (книги Исход, Евангелия, Откровение Иоанна Богослова).

Цель данной работы – выявление комплекса мотивов, образов, аллюзий, генезис которых связан с Библией как первоисточником, и определение их формально-содержательных функций в тексте.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1) осмыслить имеющиеся в отечественном литературоведении теоретические подходы к проблеме мотива и выработать методику анализа пьесы «Бег» с точки зрения взаимодействия данного текста с библейским претекстом;

2) выявить характер обращения автора «Бега» к тексту Священного Писания с точки зрения источников и форм их репрезентации в пьесе;

3) проанализировать ведущие библейские мотивы, почерпнутые Булгаковым из книг Священного Писания – Исход и Апокалипсис, раскрыть их формально-содержательные функции в булгаковском произведении.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из одной аналитической главы **«Библейские мотивы в структуре булгаковского текста»**, подразделяющейся на три параграфа; заключения и списка использованных источников.

Основное содержание работы

В первом параграфе аналитической главы **«Понятие мотива в современном литературоведении»** рассматриваются теоретические исследования, представляющие разные подходы к осмыслению центрального для нашей работы литературоведческого понятия. Так как в современном литературоведении теория мотива является одной из наиболее востребованных областей изучения словесно-художественного текста, необходимо было представить методологические и методические позиции как основоположников этого направления, так и новейших авторов. Нами рассматриваются идеи А. Веселовского, предложившего в «Поэтике сюжета» рассмотрение мотива как простейшей повествовательной единицы фольклорного произведения; Б. Томашевского, раскрывшего в исследовании «Теория литературы. Поэтика» связи мотива с темой, являющейся, по его мнению, неразложимой частью произведения; Б. Гаспарова – автора первопроходческой статьи «Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”», рассматривающего в качестве

«неразложимой части» не сюжетные элементы, не тематические составляющие, а смысловое «пятно», в создании которого могут участвовать все уровни текста, выявившего интертекстуальный характер репрезентации мотивов; И. Силантьева, определяющего в «Поэтике мотива» мотив «как единицу повествовательного языка»; В. Прозорова, обратившегося в своей монографии «Другая реальность» к сложной проблеме истолкования мотива с учетом разных подходов. Для нашего дальнейшего анализа методологически значимым является определение как тематической и сюжетной функций мотива в словесном тексте (Священном Писании и пьесе Булгакова «Бег»), так и интертекстуального характера включения в пьесу библейских мотивов, их «участия» в рождении ведущих лейтмотивов булгаковского произведения. Наиболее востребованными в нашей работе оказались подходы И. Силантьева, раскрывающего формы связи мотива с фабулой и сюжетом, и Б. Гаспарова, его методика анализа лейтмотивного построения текста, учитывающая неравноценность центральных и периферийных мотивов и возникающих на их основе мотивных связей и ассоциаций.

Во втором параграфе **«Формы репрезентации библейского претекста в пьесе "Бег"»** предлагается классификация различных форм присутствия в пьесе «Бег» библейского претекста.

Прежде чем приступить к выявлению формально-содержательных функций ведущих мотивов, восходящих к Вечной Книге, необходимо было рассмотреть основные случаи обращения автора «Бега» к Библии и сгруппировать их с точки зрения источников и характера цитирования.

Булгаков широко вводит в текст пьесы отсылки к Священному Писанию. Среди основных источников – Книга Исход, являющаяся второй книгой Пятикнижия Ветхого Завета, а также Евангелия от Луки, Матфея, Иоанна и Откровение Иоанна Богослова, представляющие Новый Завет. Формы репрезентации связей с Библией в пьесе различны: это и

относительно развернутые канонические цитаты (в первую очередь из книги Исход), сокращенные, неточные цитаты и аллюзии, призванные вызвать ассоциации с претекстом (с Исходом, Евангелиями, Откровением). В создании библейского пласта «Бега» участвуют также крылатые выражения (Ноев ковчег, Агасфер), имена святых, упоминаемые в тексте (Георгий Победоносец, Святитель Николай Чудотворец, великомученик Дмитрий), «говорящие» имена персонажей (Серафима, Голубков и др.).

Насыщенность текста пьесы библейскими мотивами и образами создает особую идейно-художественную атмосферу, благодаря которой отдельные детали произведения, возможно, и не связанные в авторском сознании с книгами Священного Писания, воспринимаются как аллюзии на образы и мотивы Великой Книги.

Как показал анализ, точными и наиболее развернутыми являются в пьесе цитаты, вводящие основную тему, вынесенную в название – бег.

Думается, Булгаков включает цитаты для того, чтобы придать дополнительные смыслы драматическим событиям гражданской войны, эмиграции, предложить код прочтения современным поискам спасения и личностного жизненного выбора человеком в катастрофических обстоятельствах. М. Булгаков сознательно включает в структуру пьесы «Бег» библейские мотивы, видя современность в контексте не только земной истории (гражданская война, бессмысленные распри, исход из своей родной земли), но и проецируя данные события на координаты Священной истории. С этой целью драматург активно использует ветхозаветные и новозаветные цитаты (разного объема и степени точности), включает богослужебную и – шире – церковную лексику, имена святых и актуализирует духовный потенциал имен персонажей.

Третий параграф **«Библейские мотивы как “текст в тексте”»** начинается с определения методологической базы исследования формально-содержательных функций библейских мотивов в пьесе М. Булгакова «Бег».

Основной служит работа Ю. Лотмана «Текст в тексте». Включение библейских цитат и аллюзий в структуру пьесы рассматриваются нами как «генератор смысла, мыслящее устройство» (Ю. Лотман) с присущими ему способами выражения и кодирования. Также мы обращаемся к идеям Н. Фатеевой – автора монографии «Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности». Для нас принципиально важно, что рассматривая разные типы связей с исходным текстом, исследователь выделяет «собственно интертекстуальность», в основе которой – конструкции «текст в тексте». В связи с изучением роли библейских мотивов в пьесе «Бег» нас привлекла мысль Н. Фатеевой о том, что чем более вновь создаваемый текст «отдален во времени от текста-источника, тем в нем ярче проступает игровой характер обращения с прототекстом, снимающий авторитетность последнего».

В данном параграфе выделены два подраздела, посвященные анализу двух ведущих источников библейских мотивов в пьесе «Бег» – Исход и Апокалипсис.

Чтобы раскрыть специфику реализации мотива Исход в библейском претексте и в пьесе «Бег» на событийном и содержательном уровнях, мы использовали методологию И. Силантьева, выявившего разные формы связи мотива с фабулой и сюжетом.

Для книги Исход как повествовательного текста характерно введение ведущего мотива через цепочку событий; духовный смысл мотива раскрывается в сюжете. Подробное, детальное повествование в Исходе о судьбе народа Израильского, о переживаемых им трудностях и великой помощи Божьей в обыденной жизни дается для того, чтобы удостовериться в том, что Господь посылает испытания, нужду, голод этому народу ради Его любви к людям. На сюжетном уровне раскрывается смысл этого пути: избранничество еврейского народа Богом для служения. Данный мотив также имеет свою структуру, определяемую этапами Богоявления, среди которых –

получение Моисеем Божественного откровения – пророческого призвания из куста терновника («Неопалимая купина») и установление Богом связи между новым началом народной истории и прежним началом времен патриархов; дарование заповедей Божиих – их передает сам Бог Моисею на горе Синай на Скрижалях Завета; народное отступничество от завета («Золотой телец»), разбивание Моисеем скрижалей с речениями Яхве, кровавая расправа над виновными, горячая молитва Моисея о прощении народа. Именно Любовь Господня к человеку и человека к Богу является основным содержанием книги Исход. А Завет («союз») является особым договором между Богом и человеком, который людям необходим для дальнейшего развития, для дальнейшей жизни. В итоге мотив Исхода становится в Библии символом Божественного спасения.

Как показал анализ, Булгаков, вводя в текст пьесы цитаты и аллюзии, отсылающие к «Исходу», выбирает лишь отдельные фабульные мотивы, которые значимы для интерпретации современных исторических событий. Цитата, воссоздающая сцену чудесного спасения евреев при переходе через Красное море, включенная в идейный спор Хлудова и Африкана, рождает смысловую амбивалентность в интерпретации поражения Белой гвардии с точки зрения Божественного промысла. А на стилевом уровне соединяются эпическое, высокаторжественное звучание библейского слова (в устах Африкана) и иронически сниженное в речах Хлудова. Но цитаты из Исхода включены не только в речь героев, выступая в роли эпитафии к 4 сну, они репрезентируют авторское присутствие в тексте.

Нами выявлена многофункциональность мотивов, восходящих к книге «Исход». Во-первых, благодаря введению мотивов претекста (бегства, спасения, Обетованной Земли) события современности проецируются на координаты Священной истории, что придает эпическую широту драматургическому произведению и духовную значительность современному великому Исходу из России. Во-вторых, насыщенность интертекстуальными

связями с данным источником создает сложное художественное пространство, способствуя генерированию новых смыслов, рождающих насыщенную интеллектуальную и эмоциональную атмосферу «Бега». В-третьих, мотив Исхода, вступая во взаимодействие с другими именованными бегства героев (бег, полет, драпанье, тараканьи бега, и др.) является важной составной частью мотивной структуры пьесы – участвует в формировании многозначного лейтмотива, вынесенного в название произведения.

Связь с апокалиптическими мотивами, восходящими к Откровению Иоанна Богослова, осуществляется несколько иначе, чем с мотивами книги Исход. Откровение Иоанна Богослова является завершающей книгой Нового Завета. В ней повествуется о том, как апостолу Иоанну, являются видения, связанные, прежде всего, с пророчествами о будущем всего человечества. Это одна из самых сложных для толкования книг Священного Писания. Несмотря на то, что автору, Иоанну Богослову, события грядущего являются в форме откровения, цепочку фабульных и сюжетных мотивов в его повествовании, на наш взгляд, можно проследить. Однако в силу специфики текста не всегда возможно четко их подразделить, тем более что наряду с пророчествованием об этапах завершения земной истории и рождении грядущего человечества, автор рассказывает об обстоятельствах и вехах получения откровения.

Принципиальное значение имеет утверждение автора о достоверности произошедшего с ним. Это было на самом деле, так как он «был в духе в день воскресный» (Откр. 1, 10). «Трубный голос» (Откр. 1, 10) возвещал, чтобы апостол Иоанн поведал то, что услышал от Бога. С помощью метафор, аллегорий, символов и других художественно-изобразительных средств Иоанн Богослов повествует, как произошла встреча с Богом, при каких обстоятельствах было дано указание написать это послание человечеству и семи церквям, каким ему было дано увидеть небесный престол, как снимаются особые печати с книг, как начинается и чем заканчивается Божий

суд, как гибнет город Вавилон и как выглядит Новый Город и Новая Земля в будущем.

Основными мотивами Апокалипсиса, репрезентирующими будущее человечества, являются: конец прежней истории, сопровождающийся мировыми войнами, повальными болезнями; пришествие антихриста и поклонение людей антихристу; Второе пришествие Христа и Страшный суд; рождение Нового Неба и Новой Земли. Глубокого смысла исполнены образы-символы четырех печатей, четырех Всадников, Звезды Полынь, Книги Жизни, моря огненного и многие другие, которые свидетельствуют о многозначности боговдохновенного текста, нуждающегося в истолковании.

Центральный мотив, передающий духовный смысл Откровения, связан с вечными понятиями – с противостоянием добра и зла. Иоанн Богослов показывает через Божественное Откровение, что добро будет торжествовать, но для этого нужно уничтожить зло, которое не исчезнет само собой, а только по воле Господней и посредством усилий исполненной христианской верой человечества.

Думается, форма сновидений, вынесенная в качестве жанрового подзаголовка и реализующаяся в пьесе на уровне развития действия и сознания персонажей, может быть соотнесена с жанром видений, лежащих в основе Откровения Иоанна Богослова. Возможно, этим обусловлен ассоциативный характер связи текста пьесы с данным претекстом – создание апокалиптической атмосферы через систему художественных деталей, большинство из которых не является прямыми аналогами тех или иных образов Откровения, но в совокупности создают устойчивую систему отсылок, свидетельствующих об осознанной ориентации автора на проблематику и поэтику данной части Библии. Одной из особенностей репрезентации авторских отсылок к Откровению являются художественные детали – это упоминания естественных и искусственных источников освещения, цветовая символика и др., отсылающие к мотивам света и тьмы.

Как правило, они вводятся не через речь персонажей, а в авторских ремарках. Также мы рассматриваем детали, повторяемые на сюжетном уровне – болезни, бедствия, нищета героев, соотносимые с приметами конца истории в Откровении.

Мотивы Апокалипсиса – конца истории, Страшного суда, Нового Града – вводятся в текст пьесы по преимуществу посредством аллюзий, а не цитат. Данные аллюзии, как правило, относятся к периферийной области текста и раскрываются в процессе его интерпретации. Принципиальное значение имеет переосмысление данных мотивов. Для Булгакова важен их нравственно-философский потенциал: мотив Страшного суда осмысливается как внутренний Апокалипсис – суд человека над самим собой, суд совести; акцентируются мотивы ответственности каждого за свои поступки. А мотив Нового Града (Новой Земли и Нового Неба) предстают как недостижимые в земной истории, трансформируясь в мечту героев об обретении утраченного Дома, о возвращении в Россию.

При обращении к тексту «Бега» с целью выявления ассоциативных связей с Откровением в еще большей степени, чем в случае с Исходом, актуальна методика мотивного анализа Б. Гаспарова.

Одной из особенностей репрезентации авторских отсылок к Откровению Иоанна Богослова является их введение не только и не столько через речь персонажей, сколько через художественные детали, которые включены в авторские ремарки. При этом ассоциативный характер отсылок не позволяет однозначно утверждать наличие связи между той или иной конкретной деталью и претекстом, но в своей совокупности они создают апокалиптическую атмосферу на уровне подтекста.

Заключение

Таким образом, основными итогами проведенного исследования являются следующие положения:

1) Булгаков широко вводит в текст пьесы отсылки к Священному Писанию. Среди основных источников – Книга Исход, являющаяся второй книгой Пятикнижия Ветхого Завета, а также Евангелия от Луки, Матфея, Иоанна и Откровение Иоанна Богослова, представляющие Новый Завет.

2) Формы репрезентации связей с Библией в пьесе различны.

3) Насыщенность текста пьесы библейскими образами и мотивами создает особую идейно-художественную атмосферу, благодаря которой отдельные детали произведения, возможно, и не связанные в авторском сознании с книгами Священного Писания, воспринимаются как аллюзии на образы и мотивы Великой Книги (в особенности это касается деталей обстановки, представленных в ремарках)

4) Булгаков, включая цитаты и аллюзии, отсылающие к «Исходу», выбирает лишь отдельные фабульные эпизоды, которые значимы для интерпретации современных исторических событий.

5) Связь с апокалиптическими мотивами, восходящими к Откровению Иоанна Богослова, осуществляется несколько иначе, чем с мотивами книги Исход. Ассоциативный характер связи текста пьесы с данным претекстом – создание апокалиптической атмосферы через систему художественных деталей, большинство из которых не является прямыми аналогами тех или иных образов Откровения, но в совокупности создают устойчивую систему отсылок, свидетельствующих об осознанной ориентации автора на проблематику и поэтику данной части Библии.

6) Мотивы Апокалипсиса – конца истории, Страшного суда, Нового Града – вводятся в текст пьесы по преимуществу посредством аллюзий, а не цитат.

7) Для Булгакова важен их нравственно-философский потенциал: мотив Страшного суда осмысливается как внутренний Апокалипсис – суд человека над самим собой, суд совести; акцентируются мотивы ответственности каждого за свои поступки. А мотив Нового Града (Новой

Земли и Нового Неба) предстают как недостижимые в земной истории, трансформируясь в мечту героев об обретении утраченного Дома, о возвращении в Россию.

Суммируя полученные результаты, мы выделяем следующие функции библейских мотивов в пьесе М.А. Булгакова «Бег» – тематические, концептуальные, структурные. Участвуя в рождении лейтмотивов пьесы, библейские мотивы, с одной стороны, трансформируются, утрачивая канонические религиозные смыслы, с другой стороны – обогащают пьесу «дыханием» Великой Книги. Отсылая читателя/зрителя к данному первоисточнику, автор пьесы включает свой текст в широчайший контекст христианской культуры, тем самым утверждая свои этические и эстетические ориентиры и непреходящую актуальность Вечной Книги.